

В начале февраля страна отметила очередную годовщину победы советского оружия в Сталинградской битве, переломившей ход войны. Один из непосредственных участников того легендарного сражения на Волге живет в малолюдной деревне Морозовского сельского поселения. Каких только боевых профессий не пришлось испробовать Анатолию Леонтьевичу Красовскому: был и пехотинцем, и пулеметчиком, и разведчиком, и даже корректировщиком огня советских батарей.

В сталинградской степи

Многое забылось почти за семь десятков лет, прошедших с той поры. Но этот эпизод накрепко запал ветерану в память. Ведь 18-летний мальчишка тогда оказался буквально на волосок от гибели. Впрочем, таких смертельных случаев в военной биографии Красовского немало.

- Не знаю, почему тогда начальство выбрало именно меня, - недоумевает Анатолий Леонтьевич. - Ведь я ни малейшего представления о корректировке огня не имел. Да и образование подкачало. Некогда было нам, деревенским парням, учиться. Наверное, просто послать больше было некого — смерть выкашивала роты, батальоны и полки почти подчистую. Наш взвод — не исключение. Не всегда новым пополнением удавалось быстро восполнить потери личного состава. Так или иначе, но нам вдвоем со связистом, имени теперь уже не помню, было приказано выдвинуться в направлении противника. У меня ППШ, у связиста на спине — катушка с телефонным проводом. Вышли ночью. Нейтральная полоса простреливалась со всех сторон, и днем подобраться к немецким окопам было бы сущим самоубийством. Ползли в темноте, где по-пластунски, где на четвереньках, пока хватило запаса кабеля в катушке. Расчет оказался верным. Подобрались достаточно близко, со стороны вражеских окопов явственно слышалась незнакомая лаящая речь, а порой даже смех. Судя по голосам, немцы чувствовали себя в безопасности, ничего не боялись. Мы стали окапываться, без искусственного укрытия в сталинградской степи ты как на ладони. Земля твердая, плотная, неподатливая для саперных лопаток. И все же сумели соорудить себе земляные ячейки. Тут выяснилось, что связи с орудийной батареей нет. То ли провод осколком шальной снаряда пересекло, то ли что другое. Вздохнул тяжело связист, как перед броском в холодную воду, вылез из относительно безопасного окопчика и пополз обратно к своим. Остался я в одиночестве.

Ближе к рассвету телефонная трубка ожила — связь восстановилась. Но напарник мой так и не вернулся. Начальственный голос в трубке уточнил у меня обстановку и приказал в случае появления противника в непосредственной близости тут же сообщать на огневую позицию. Приказ ясный и недвусмысленный, но как его выполнять?

Солнце уже взошло высоко, начало припекать. Я лежу в своей ячейке, изредка осматриваю окрестности в бинокль. И тут засек какое-то движение: по степи вдоль немецких окопов пылит открытый транспортер с черным крестом на борту. В кузове на скамейках разместились больше дюжины вооруженных автоматами фрицев. Все ближе и ближе ко мне. Вот уже нас разделяет никак не больше ста метров. А в бинокль, так машина словно на расстоянии вытянутой руки. В окуляры видно, что гитлеровцы переговариваются между собой, хохочут. Словно на загородную прогулку выехали. Вот тут у меня волосы под пилоткой зашевелились. По степи валялось много немецких листовок с призывами сдаваться их «освободительной» армии. Эти листовки служили и пропуском. Но от политруков мы знали о всех «прелестях» вражеского плена, о концлагерях, так что попасть в руки немцев боялись панически.

Не заметили, проехали мимо. Не помню, что я там кричал в трубку, как корректировал огонь, не умея этого делать, но через пару минут сзади загрохотало. Полетели мины, снаряды, все заволокло густой пылью от разрывов. Но все же я успел разглядеть, что транспортер перевернулся и задымил. Артналет длился довольно долго, но из-за дыма и пыли я уже ничем не мог помочь нашим артиллеристам. А следующую ночь меня сменили. Не хвалили, но и не ругали, видимо, остались довольны моей корректировкой. Правда, больше на такие задания не посыпали. Только в разведку, собирать информацию или взять «языка».

Как вспоминает ветеран, взвод у них был интернациональным: русские, грузины, казахи, татары. А помощник командира взвода Стакенчук — скорее всего, украинец. Вот кто множеству необстрелянных новобранцев спас жизни. Анатолий Леонтьевич до сих пор благодарен сержанту за военную науку, которая помогла выжить в самых сложных переплетах. Потом война разбросала сослуживцев. Когда Красовский выздоравливал в госпитале после тяжелого ранения, до него дошли слухи, что Стакенчук погиб. Так ли это на самом деле, кто знает?

Записал
В.Басов.